

через память самой себя, и разумение, и любовь. Или, конечно, оно тем более доказывает, что оно есть истинный образ этой (высшей сущности), поскольку может помнить о ней, разуметь и любить ее. Ведь чем больше это (сознание) и чем подобнее этой (высшей сущности), тем больше оно узнается как истинный образ этой (сущности). И вообще нельзя помыслить, чтобы разумной твари по природе было дано нечто столь замечательное и столь подобное высшей мудрости, сколь (замечательно и подобно ей) то, что она может помнить, и разуметь, и любить то, что больше и лучше всего. Значит, никакой твари не было вручено ничто другое, что так являло бы собою образ Творца.

Глава LXVIII. (Что) разумная тварь создана для того, чтобы любить высшую сущность

Итак, кажется, следует, что разумная тварь ни к чему не должна столько прилежать, как к тому, чтобы этот образ, запечатленный в ней через природную способность, выразить через самопроизвольное действие. В самом деле, помимо того что она самым бытием своим обязана своему Творцу, – так как известно, что не может быть ничего столь замечательного, как помнить, и разуметь, и любить высшее благо, – поэтому, конечно, мы приходим к убеждению, что нет ничего, чего следовало бы желать столь же сильно. Ведь кто станет отрицать, что все лучшее, что есть в способности, тем более должно быть в воле?

Наконец, для разумной природы "быть разумной" означает не что иное, как быть в состоянии отличить справедливое от несправедливого, истинное от неистинного, доброе от недоброго, более доброе от менее доброго. Но эта способность будет для нее не вовсе бесполезной и не совсем ничемной лишь в том случае, если она будет любить или отвергать различаемое ею соответственно (вынесенному) суждению истинного различения. Итак, из этого достаточно ясно видно, что всякое разумное (существо) существует для того, чтобы в соответствии в том, как это (разумное существо) решит о чем-то различающим разумом – является ли это нечто более или мене добрым или вовсе не добрым, – так оно будет больше или меньше любить это (нечто) или (вовсе) отвергать его. Итак, нет ничего яснее: разумная тварь была создана для того, чтобы любить высшую сущность превыше всех благ, так как эта сущность есть высшее благо; вернее сказать, (она была создана, чтобы) ничего не любить, кроме нее самой или (чего-то) ради нее, потому что эта (сущность) является благой сама по себе, и ничто не благо иначе как через нее. Любить же ее (разумное существо) не сможет, если не будет стараться усердно вспоминать и разуметь ее. Следовательно, ясно, что разумная природа должна устремлять всю свою волю и мощь к памяти, и разумению, и любви высшего блага, – ведь она знает, что само бытие ее к этому назначено. <...>

Глава LXXVII. (Что) следует верить в Отца и Сына и Духа их в равной степени, и по отдельности, и в троих вместе

Итак, следует верить равно в Отца, и в Сына, и в Духа их – и в (каждого) по отдельности, и в троих вместе, потому что и отдельно Отец, и Сын отдельно, и отдельно Дух их – каждый есть высшая сущность; и все вместе, Отец и Сын с Духом их, суть (трое) одна и та же высшая сущность, в которую только одну и должен верить каждый человек, ибо она есть единственная цель, к которой следует во всяком помышлении и действии своем, через любовь, устремляться. Отсюда ясно, что как к ней стремиться никто не может, если не верует в нее, так никому не принесет пользы веровать в нее, в нее не стремясь.

Глава LXXVIII. Что есть живая, вера, и что – мертвая

Поэтому как бы твердо не веровать в столь великую вещь, напрасна будет вера и подобна какому-то мертвецу, если любовь не усилится и не оживет. В самом деле, то, что та вера, которой сопутствует соревнующая (об одном) с ней любовь, если представится ей возможность действовать, отнюдь не станет отлынивать, а скорее займется огромным количеством дел, чего без любви она не могла бы, – это можно доказать хотя бы тем одним, что то, что любит высшую сущность, не может презирать ничто справедливое и не может допускать ничего несправедливого. Следовательно, так как то, что делает нечто, тем самым показывает, что в нем (самом) есть жизнь (ведь без нее оно не могло бы (это) делать), то не зря говорится и то, что вера работающая живет, ибо имеет жизнь от любви, без которой она не работала бы, и то, что ленивая вера не живет, ибо лишена (этой) силы любви, с которой (имей она ее) она не ленилась бы. Поэтому если слепым называется не только утративший зрение, но и тот, кто не имеет его, хотя должен иметь, то почему нельзя так же назвать веру без любви «мертвой», не в том смысле, что она утратила жизнь свою, т. е. любовь, а потому что не имеет того, что всегда должна иметь? Значит, как та "вера, действующая любовью", узнается как живая, так та, которая "презрением ленится", несомненно, мертва. Итак, вполне